Биография поэта-декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера

Участники:

Дёмин Глеб, Маргарита Быстрова, Макар Жихарев,
Яна Рябинина, Полина Шепелева, Александра Аксёнова.

Жизнь и формирование личности Кюхельбекера в лицее

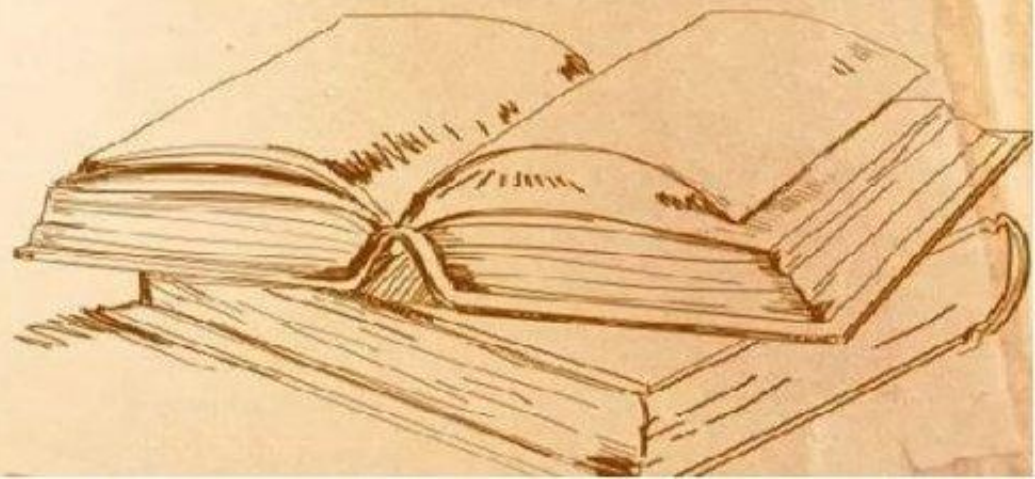
- Вильгельм блестяще сдал вступительные экзамены, и был зачислен Царскосельский лицей. Поначалу высокий рост, нескладная фигура, избыточная эмоциональность натуры юноши стали отличной мишенью для злых шуток. Однако постепенно в нем разглядели его простоту, эрудицию и готовность прийти на выручку, и приняли в свой круг.
- Самыми близкими лицейскими друзьями Кюхельбекера стали Александр Пушкин, Иван Пущин и Антон Дельвиг. Они много времени проводили вместе: беседовали, философствовали, устраивали поэтические вечера.

Отношения Пушкина и Вильгельма Кюхельбекера

- Пушкина вызвал на дуэль его друг Вильгельм Кюхельбекер. Причиной послужили шутливые стихи про Кюхельбекера. Итог: На дуэли Вильгельм в Пушкина выстрелил, а Пушкин в Вильгельма нет. Можно сказать, что Кюхельбекер очень трепетно относится к Пушкину, любит своего друга и заботится о нем. Это искренняя и преданная дружба, которая постижима не каждому. К периоду 1817--1819 гг. относится еще одно стихотворное послание Кюхельбекера к Пушкину «к Пушкину (из его нетопленой комнаты)». Таким образом, личность Пушкина, его дружба, любовь не забыта Кюхельбекером.

Стихотворение «Разлука»

3. Разлука
В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш пенат.
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья.
Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.
Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!
Узнай любовь, неведомую мне,
Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я.
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

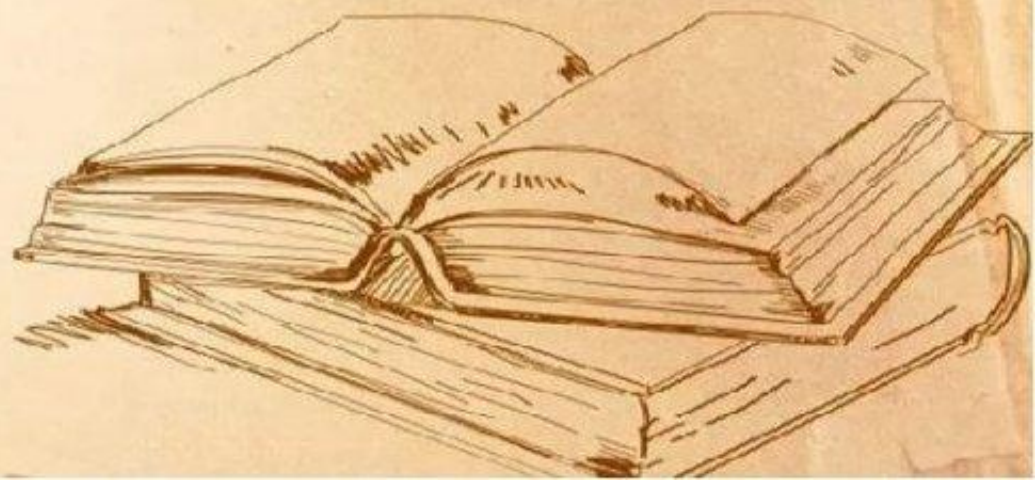


Характер Вильгельма Карловича Кюхельбекера

- Воспоминания лицеистов сохранили много свидетельств о странностях Вили, Кюхли, Клита (лицейские прозвища Кюхельбекера) . Страшно обидчивый, взрывающийся, как порох, он к тому же был предметом постоянных насмешек товарищей. Однако он сразу зарекомендовал себя как отличный ученик. Инспектор М. С. Пилецкий дал такой отзыв о Кюхельбекере, относящийся, видимо, к 1812 году: "Кюхельбекер (Вильгельм) , лютеранского исповедания, 15-ти лет. Способен и весьма прилежен; беспрестанно занимаясь чтением и сочинениями, он не радеет о прочем, оттого мало в вещах его порядка и опрятности. Впрочем, он добродушен, искренен с некоторою осторожностью, усерден, склонен ко всегдашнему упражнению, избирает себе предметы важные, плавно выражается и странен в обращении. Во всех словах и поступках, особенно в сочинениях его, приметны напряжение и высокопарность, часто без приличия. Неуместное внимание происходит, может быть, от глухоты на одно ухо. Раздраженность нервов его требует, чтобы он не слишком занимался, особенно сочинением". Неуравновешенный, чувствительный, вечно восторженный, Кюхельбекер был образцом романтика в жизни и в литературе. Пушкин отозвался о нем: "человек дельный с пером в руках, хоть и сумасброд". Основные черты его творчества – идеализм и благочестие с мистическим оттенком. Среди основных тем поэзии Кюхельбекера, как впрочем и большинства декабристов, существенное место занимала религия.

Стихотворение «19 октября»

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.
Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.
Я пью один, и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют…
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?
Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.
Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!
Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»
Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.
Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой…
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.
И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лицея превратил.
Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.
Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.
С младенчества дух песен в нас горел,
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»
Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.
Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой…
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.
И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лицея превратил.
Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.
Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.
С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.
Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты…
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?
Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.
Пора и мне… пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!
И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!



Политическая жизнь Вильгельма

- Восстание декабристов и ссылка
- В 1825 году Кюхельбекер вернулся в Петербург, где за две недели до восстания был принят в Северное общество – тайную революционную организацию, члены которой выступали против самодержавия. Во время восстания Вильгельм совершил неудачную попытку выстрелить по брату императора. Вместе с верным слугой он попытался бежать из России, но был опознан и арестован.
- Вильгельм Кюхельбекер был приговорен к 20 годам каторги. Впоследствии наказание было заменено ссылкой в Сибирь, но до этого времени литератор успел побывать во многих в крепостях. Во время очередного этапирования судьба подарила Кюхельбекеру краткую встречу с Пушкиным. В 1835 году заключенный был отправлен в ссылку в город Баргузин, где присоединился к младшему брату и другим ссыльным декабристам. Кюхельбекер писал стихи, очерки, вел переписку с семьей и Пушкиным, преподавал в местной школе.

Последняя встреча поэтов

- Последний раз Пушкин виделся с Кюхельбекером, когда его перевозили из одной крепости в другую осенью 1827. Пушкин и Кюхельбекер, несмотря на присутствие жандармов, бросились обнимать и целовать друг друга. Их растащили. Кюхельбекера, хотя ему было плохо, быстро усадили в телегу и увезли. Эту встречу Пушкин всегда вспоминал с волнением. Существуют предположения, что Кюхельбекер являлся прототипом Ленского.

Связь Кюхельбекера и Пушкина после расставания

- Пушкин и другие писали на него эпиграммы. . Но он отличался редкой незлобивостью, преклонялся перед талантом Пушкина, был его преданным другом.
- И Пушкин платил ему неизменной любовью, несмотря на частые ссоры. В письмах из ссылки он постоянно расспрашивает о нём, кланяется ему. "Что мой Кюхля, за которого я стражду, но всё люблю? " "...Ах, боже мой, что-то с ним делается - судьба его меня беспокоит до крайности" (спрашиает у Вяземского) . В стихотворении "19 октября" Пушкин пишет о друге: "Мой брат родной по музе, по судьбам... "
- Когда в Михайловском, где Пушкин находился в ссылке, его навещает И. И. Пущин, что опасно было для двоих, Пушкин спрашивае о Кюхле, узнаёт, что и тот собирается к нему. Пушкин обращает строки:

  Я жду тебя, мой запоздалый друг -

  Приди; огнём волшебного рассказа

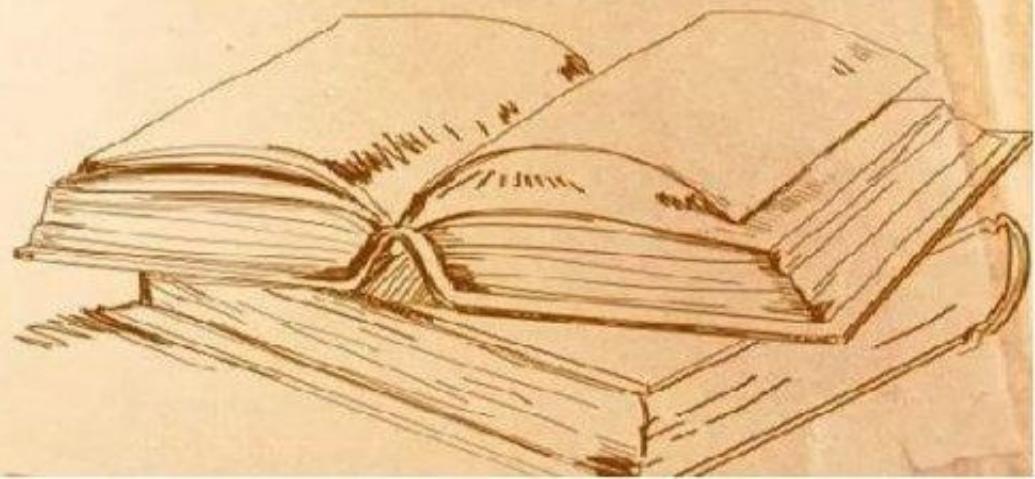
  Сердечные преданья оживи;

  Поговорим о бурных днях Кавказа,

  О Шиллере, о славе, о любви. ("19 октября")

Стихотворение Кюхельбекера

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В средине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушимых сил!
Блажен! лицо его всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря.
А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей.
В тот гроб бездонный, молнией сраженный,
Последний пал родимый мне поэт…
И вот опять Лицея день священный;
Но уж и Пушкина меж вами нет!
Не принесет он новых песней вам,
И с них не затрепещут перси ваши;
Не выпьет с вами он заздравной чаши:
Он воспарил к заоблачным друзьям.
Он ныне с нашим Дельвигом пирует;
Он ныне с Грибоедовым моим:
По них, по них душа моя тоскует;
Я жадно руки простираю к ним!
Пора и мне!- Давно судьба грозит
Мне казней нестерпимого удара:
Она меня того лишает дара,
С которым дух мой неразлучно слит!
Так! перенес я годы заточенья,
Изгнание, и срам, и сиротство;
Но под щитом святого вдохновенья,
Но здесь во мне пылало божество!
Теперь пора!- Не пламень, не перун
Меня убил; нет, вязну средь болота,
Горою давят нужды и забота,
И я отвык от позабытых струн.
Мне ангел песней рай в темнице душной
Когда-то созидал из снов златых;
Но без него не труп ли я бездушный
Средь трупов столь же хладных и немых?



Последние годы жизни поэта-декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера

- Дневниковые записи Кюхельбекер ведет постоянно, и имя Пушкина в них встречается очень часто. Но потом его переводят в Баргузин, где он женился на безграмотной дочери почтмейстера и у него родилось четверо детей. Выжило трое.
- Потом по его собственной просьбе Кюхельбекера переводят под Тобольск, а затем в Курган, где он ослепнет. И снова Тобольск. Это уже тяжело больной человек. Он умрет в нищете от туберкулеза в августе 1846 года, не дожив даже до 50 лет.

Спасибо за внимание!

Читайте классические произведения